

18+

КЕНДЖИ ХОФФМАН

НЕВИДИМЫЙ
РАССКАЗЧИК

Кенджи Хоффман

Невидимый рассказчик

«Издательские решения»

Хоффман К.

Невидимый рассказчик / К. Хоффман — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Кенджи — молодой писатель, выросший рядом с особенным братом и воображаемым другом Харри, с которым начались его первые истории. Взрослея вместе с братом, он учится понимать особенных людей через близость, любовь и ответственность. С помощью Харри он превращает страх, вину и одиночество в слова. Со временем успех, потери и ошибки меняют его взгляд на жизнь и творчество, пока одно событие не оставляет его наедине с собой и своим голосом.

© Хоффман К.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Слово первое — «Любовь»	6
Глава 2. Быть человеком	11
Глава 3. Первый шаг	18
Глава 4. Первая любовь	22
Глава 5. Молодость	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Невидимый рассказчик

Кенджи Хоффман

Корректор Елена Дубинина

© Кенджи Хоффман, 2026

ISBN 978-5-0070-0646-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Слово первое — «Любовь»

#

Если бы вам хотели вручить самую престижную литературную премию вашей страны за произведения, которые вы считаете не своими, то есть, по-вашему, написали не вы, а кто-то другой, но об этом никто и никогда не узнает, вы бы взяли эту награду? Я вот отказался от премии Георга Бюхнера, крупнейшей литературной премии Германии, которая к тому же сулила мне неплохие на тот момент деньги, — около пятидесяти тысяч евро.

Если спросите, зачем я начал писать, то ответ будет один: ради своего брата.

Воспоминания о прошлом

Брату Джуну всегда весело, он либо счастливый, либо плачет, как плохие девочки (как мне казалось в детстве). Хотя он старше меня на целый год. Он такой пухлый и смешной. И сейчас я помню его таким... Он был не как все дети. Мама говорила, что он особенный. В то время я не понимал значения этих слов. Родители больше заботились о нем, чем о нас с сестрой, и всегда ему давали больше сладостей. Я, не понимая этого, порой злился, отбирал у него конфеты, но Джун, не обижаясь, всегда возвращался с улыбкой и целовал меня. Мама в эти моменты плакала и уговаривала меня вернуть ему конфеты, а отец смотрел на нас с доброй улыбкой. Кроме этого, мне приходилось каждый день в любое время года качать его на качелях и присматривать за ним в Шпильплатце. Даже зимой мама заставляла меня делать это.

Часто я спрашивал у Харри, почему родители любят его сильнее меня. Но Харри уверял, что они нас обоих любят одинаково. С возрастом я понял, почему они так поступали и почему другие дети не хотели играть вместе с нами, называя его умственно отсталым. Когда мы играли в футбол с другими мальчишками, я не мог насладиться игрой полностью, так как меня всегда отвлекал Джун. Из-за своей неуклюжести он часто падал, громко смеялся или внезапно кричал. Я раздражался и одновременно переживал за него. В силу своего возраста я не мог понять, любил ли я его сильнее, чем злился на него. После нескольких игр я и мои друзья запретили ему играть вместе с нами. Мне было стыдно за него, о чем я буду всегда сожалеть.

Но один день перевернул мои взгляды на брата, и с тех пор я не переставал восхищаться им. Благодаря этому дню я буду постоянно чувствовать себя виноватым и более разборчиво смотреть на людей. Сейчас мне стыдно за мое прошлое поведение. Даже слово «стыд» не подходит. Скорее я раскаивался, отчего на долгое время стал смиренным и сострадательным человеком до того времени, пока мне не вскружила голову популярность. Но об этом позже.

После того злополучного дня я находился в подавленном состоянии. Чувство вины пожирало меня изнутри. Даже хотел умереть. Именно тогда я впервые встретил Харри. Отчетливо помню его — рыжеволосый кудрявый парень лет двадцати с носом картошкой и горящими щеками. В то время я еще подмечал, что этот парень очень забавный. В его впалых зеленых глазах чувствовалось что-то родное, близкое. Как будто он был мне старшим братом. Поэтому я сразу же доверился ему. Не знаю, как, но я всегда умел определять по глазам, хороший человек или плохой. Харри явно был хорошим. Думаю, на самом деле он появился из-за моих переживаний за Джуна.

Помню, перед встречей с Харри мама целый день читала мне сказки. Она старалась отвлечь меня, уговорить поиграть с другими детьми, но я чувствовал себя потерянным и все больше уходил в волшебные миры. Мама подарила мне большую и тонкую разноцветную книжку со сказками, чтобы хоть как-то отвлечь меня, и я уговорил прочитать ее мне перед сном. Обычно мама постоянно была занята домашними хлопотами и заботой о Джуне, и сил

на сказки для меня не оставалось. Однако в тот вечер она посвятила мне все свое внимание, даря мне частичку своей заботы и любви через страницы сказок.

На следующее утро я вышел на улицу, не в силах оставаться дома и лежать под одеялом. В то раннее утро я впервые увидел восход солнца. Его теплые золотистые лучи начали согревать мое лицо. Кажется, я очень долго смотрел на небо, жадно вдыхая свежий прохладный воздух, благодаря чему тело расслаблялось. Постепенно свежий воздух вернул меня в реальность, в которой я отсутствовал в бескрайних просторах своего разума и воображения. Все же чувство вины и отчаяния не покидало меня. В последние дни я бесконечно прокручивал в голове тот злополучный день, представляя возможные сценарии, если бы я или кто-то рядом поступил иначе. Почувствовав чью-то руку на плече, я услышал:

— Не грусти, малыш, все будет хорошо.

Я удивленно обернулся и увидел рядом с собой незнакомого парня. В тот момент мне казалось, что он близкий мне человек, и внутренне я готов был довериться ему. Поэтому даже не думал пугаться.

— Кто ты? — спросил я с удивлением.

— Я твой друг. Не бойся, — ответил Харри с улыбкой.

— Я и не боюсь, — сказал я, пытаюсь сохранить спокойствие.

— Молодец. Ты очень смелый. Но я вижу, что ты переживаешь. Тебя что-то беспокоит. Хочешь, я расскажу тебе сказку?

— Какую сказку?

— Какую пожелаешь. А ты ведь много сказок знаешь?

— Не так уж много. «Кота в сапогах»... А ты знаешь «Кота в сапогах»?

— Да.

— А «Грензеля и Грету»?

— Конечно, малыш!

— А «Бременских музыкантов»?

— Да! Про осла, собаку, петуха и кошку!

— Правильно! А как тебя зовут?

— Харри.

— А меня — Кенджи!

— А хочешь, я расскажу тебе много других сказок? — предложил Харри, и я уже не мог удержаться от любопытства, слушая его.

Мы разговорились, и Харри рассказал мне множество сказок, пока мама не позвала меня на обед. Его истории не просто развлекали, они вдохновляли. За обедом я познакомил Харри с мамой. Она смотрела на нас вопросительно и немного испуганно. После обеда мы снова сидели на улице возле дома, и Харри продолжил рассказывать мне сказки и истории. Мы с Харри уже договорились, что он поживет у нас. Я решил приютить этого хорошего парня, не оставлять же его на улице! Харри объяснил, что пришел издалека, и я сразу же вошел в его положение. Вернувшись домой, я спросил у мамы, можно ли Харри остаться у нас. Я объяснил ей, что ему негде жить и у него никого нет в нашем городе. Как я тогда удивился, что она сразу согласилась:

— Да, конечно, малыш. Думаю, на пару дней он может у нас поселиться.

— Ур-ра-а-а! — воскликнул я. Во мне вновь вспылал огонь к жизни, но, вспомнив о Джуне, я снова раскис. Харри подбадривал меня, и говорил, что с братом будет все в порядке.

Через пару дней мы отправились к врачам, не помню, сколько их было. Джун еще лежал в больнице. Мама уже давно говорила мне, что скоро мне дадут очки. Сначала я противился, но мама сказала, что очки носят самые крутые и умные люди. Это, конечно, произвело на меня впечатление. Мы также посещали других врачей, от чего я сильно уставал. Врачи почему-то спрашивали меня про Харри, а маме почему-то рассказывали про Карлсона. Причем тут

Карлсон! Мама как-то читала мне книгу «Малыш и Карлсон», но я не видел никакой связи. И мне отчего-то стало неловко отвечать врачам про Харри. Хорошо, что его не было с нами, я велел ему оставаться дома и ждать меня.

— Харри, ты моя нянька?

— Я твой друг!

Харри действительно стал мне лучшим другом после нескольких недель. Мама разрешила ему оставаться у нас столько, сколько он пожелает. Все-таки моя мама такая добрая! Днем мы проводили время в садике, а ближе к вечеру играли дома вместе с моим братом Джун-ном и сестрой Юки.

Сколько себя помню, Джун всегда был со мной. У него чуткое и доброе сердце. Мы с ним всегда ходили с бритыми головами, отец сам брил нас, вероятно, чтобы сэкономить на стрижке. Когда я противился этому, мама успокаивала нас, утверждая, что волосы отрастут гуще и красивее. Хотя наши головы выглядели одинаково, телосложением мы с братом отличались. Джун был немного полнее в отличие от меня. А меня мама постоянно заставляла кушать, говоря о моем небольшом росте и худобе. Я действительно казался более хрупким на вид, чем был на самом деле, но всегда считал себя выносливым и крепким. Джун, несмотря на свою полноту, был подвижным и веселым. Мы часто смеялись вместе, играя в самые разные игры. Харри становился частью этих игр, принося свои сказочные истории и выдуманные приключения. Даже Юки, обычно предпочитавшая играть в одиночестве, присоединялась к нам, увлеченная рассказами Харри из моих уст.

Возвращаясь к тому несчастному дню, как обычно летним субботним вечером, мы с Джун-ном играли на Шпильплатце недалеко от дома. Джун, как всегда, сидел в песочнице и улыбался. И мне стыдно признать, что это бесило меня тогда. В тот день я был в компании своих друзей — Андреаса и Томаса. Мы, как обычно, лазили на деревянные домики по канатам и лестницам, наслаждаясь своей смелостью. Помню, как один из друзей предложил прогуляться по парку втроем. Обычно родители приводили каждого ребенка на Шпильплатц и строго наставляли не покидать игровую зону. Сами мы никогда прежде не осмеливались уходить с детской площадки. Но в тот день мы друг друга поддразнивали и хотели показать, что круче друг друга. Несмотря на то что я должен был приглядывать за братом, я пошел вместе с двумя соседскими мальчишками. А куда может подеваться Джун из песочницы? К большому несчастью, или к счастью для нас троих, Джун пошел вслед за нами. В это время один недалекий человек выгуливал недружелюбную овчарку. С этого момента и начался наш кошмар, который состоял из вступления, основной части и трагедии.

Вначале соседские мальчишки начали дразнить злого пса. Мне это совершенно не нравилось. Пес отчаянно пытался вырваться с поводка. Хозяин собаки прокричал нам, чтобы мы убегали прочь, и мы побежали, довольные своей смелостью. Но через некоторое время мы решили пройтись, и следом увидели, как агрессивный зверь уже стоит позади нас. Он сбежал от хозяина и был без поводка. Нам стало страшно. Мы стояли неподвижно, пока хозяин собаки торопливо подходил, крича своему псу вернуться к нему. Зверь все смотрел на нас. Томас бросился бежать. Собака быстро догнала и повалила его. Крики и вопли разносились по всему парку. И в этот момент я заметил, как кто-то схватился за собаку, а кто-то кричал отпустить мальчика. Пес со злостью хищника начал кусать Джуна. Я помню его взгляд, полный страха и слез, но он не кричал, а лишь тяжело дышал. Мое сердце вырывалось из груди. Это зрелище навсегда запечатлелось у меня в сознании. Джун был весь в крови. Этот день и этот взгляд я не забуду никогда. Все вокруг стало размытым, помню, как хозяин собаки оттащивал свою псину, и вокруг собирались люди...

Как я узнал позже от родителей, хозяин той злополучной собаки принял решение усыпить ее. Сам же остался безнаказанным, словно ничего не произошло.

Не описать мои переживания и мое восхищение Джуном, когда мы приходили к нему в больницу. Все наши знакомые навещали Джуна, даже родители Томаса и Андреаса. Джун потерял много крови, его раны выглядели ужасающими. Томас отделался одним укусом, в то время как на теле Джуна пластический хирург наложил семьдесят три шва! Бесчисленные уколы и процедуры, которые он вынес, кажутся мне невыносимыми даже теперь. Я не представлял, да и до сих пор не представляю, какой страшный шок испытал мой брат. Он получил укусы по всему телу, познал жутчайшие страдания, посмотрел ужасу в лицо, но спас Томаса и нас.

После этого случая Томас и Андреас стали нашими лучшими друзьями на всю жизнь. Для Джуна они стали даже братьями, чему я и родители несказанно радовались. Блондин Андреас и брюнет Томас были неразлучны. Мы прозвали их «Команда пчела» или «Желто-черные». Когда мы говорили, что идет пчела, это означало, что Андреас и Томас идут вместе. В футболе их взаимодействие поражало своей слаженностью. Прямо как рой, движущийся как единое целое. Я даже завидовал их дружбе и связи друг с другом. Но откуда я в то время знал, что наша связь с Джуном сильнее чьей-либо?

Джун стал героем не только для Андреаса, Томаса и их родителей, но и для многих незнакомых нам людей. Противопожарная служба города Нюрнберг¹ вручила Джуну медаль за отвагу. В день его выписки нас посетили трое мужчин в форме пожарных и один дяденька в сером костюме с белой рубашкой и галстуком. Именно он вручил медаль Джуну. Выглядело круто. Когда они собрались сделать совместную фотографию с моим братом на память, я тут же попросился к ним. Так благодаря Джуну у нас появилась фотография с настоящими героями нашего города.

А еще круче фотографии появились у меня из пожарной части, которую я, мама и Джун посетили по приглашению через неделю после его выписки. Это было потрясающе! Мы примеряли каски, садились в пожарные машины, слушали истории о спасениях. Позже я хвастливо рассказывал Томасу и Андреасу о нашем визите в пожарную часть. Так на один день мы с Джуном стали добровольными пожарными нашего города.

Начальник противопожарной службы рассказывал, что он, как только услышал о нашем злополучном эпизоде, сразу же решил навестить мальчика-героя. Но перед визитом к Джуну он решил добиться медали для него. Это действительно то, что он мог сделать для утешения ребенка, попавшего в такую ситуацию и проявившего недюжинную смелость. В тот момент мне было немного завидно, что у Джуна появилась такая крутая медаль. Думаю, это нормальное чувство для малышей. Но вспомнив, через какие испытания он прошел, чтобы ему вручили эту награду, я сразу же отбросил негативные мысли. Ведь он действительно заслужил эту медаль. Он наш герой. Наша гордость. Солнечный лучик в нашей семье.

Несмотря на шрамы на теле, Джун улыбался. Раньше бы я думал, что он глупый человек, всегда на все улыбается, но теперь я действительно восхищался его бесстрашием и отвагой. Ты настоящий герой, Джун! И самое главное, я осознал, что люблю своего брата всем сердцем. И когда я смотрел на его шрамы, моя грудь сжималась от боли, а глаза наполнялись слезами. Особенно выделялся шрам на челюсти. В эти моменты Харри хлопал меня по плечу и просил, чтобы я пересказывал Джуну его истории. Когда я делал это, глаза брата горели от радости, а улыбка на лице становилась шире. Как же мне нравилось, что он никогда не грустил, несмотря ни на что.

А потом случилось чудо. После рассказа Джун с мягкостью произнес:

— Любовь.

Я замер. До этого момента Джун не мог произнести ни слова. Теперь после прекрасного рассказа Харри он произнес слово «любовь» несмотря на то, что рассказ был смешным. Сначала я подумал, что он сказал это слово после того, как я закончил рассказ словами «они нако-

¹ Feuerwehr

нец полюбили друг друга», после чего я сам, потрясенный этим рассказом, вслух спросил себя: «Это и есть любовь?». Я ощутил странное волнение.

Но сейчас я думаю, что неспроста его первое слово стало «любовь». Ведь я рассказывал ему с глубочайшей любовью, и он почувствовал это, отразив в своем первом слове. Он произнес его в семь лет. Я был уверен, что люблю его больше всего на свете, и, несмотря на мои старые выходки и моменты, когда я стыдился его присутствия, он всегда отвечал мне тем же — своей безусловной любовью.

Я понял, что хочу, чтобы эти истории никогда не кончались. Чтобы Джун мог чувствовать радость и любовь даже тогда, когда вокруг все становилось сложным. Так впервые родилось желание постоянно рассказывать истории — для него, для брата, чей мир был необычен и тих, где каждое произнесенное слово становилось маленьким чудом. И теперь я понимал, почему Харри так настойчиво подсказывал мне рассказывать ему свои истории. В тот момент я еще не знал, что через несколько лет эти рассказы станут для меня первым шагом в мир писательства.

Глава 2. Быть человеком

Мой отец родом из Сан-Паулу (а я, между прочим, родился в Нюрнберге и горжусь этим). Он рассказывал, что когда-то дедушка отца иммигрировал вместе с прабабушкой с острова Окинава (Япония) в Бразилию для работы на кофейных плантациях, хотя позже они занялись собственным хозяйством. Отец был младшим ребенком, еще в школьные годы он был обращен в католицизм. Как он говорил, это решили бабушка с дедушкой, чтобы он не столкнулся с дискриминацией.

Позже отец перебрался из Сан-Паулу в Мюнхен, чтобы закончить магистратуру в Мюнхенском техническом университете. Там он познакомился с мамой, смелой японкой, уехавшей покорять Германию. Мама родом с Хоккайдо (Япония), городом, известным среди японцев благодаря своим пивоварням с дегустациями. Родители обожают пиво, и неудивительно, что они сразу нашли общий язык.

Дома мы говорим в основном на немецком, но с отцом мы общаемся по-окинавски. Мама нас не понимает. Окинавский отличается от японского, хоть и считается одним из его диалектов. Именно поэтому мама с нами не говорит на современном японском. Она не хотела, чтобы я путался в словах. И когда я встречаю японских туристов в Германии, не совсем понимаю их. Их осуждающие взгляды меня раздражают, словно говорят «ты не такой, как мы». Они считают, что каждый японец обязан знать японский. Папа объяснял это тем, что наш окинавский диалект очень старый и ему угрожает исчезновение. Поэтому мы не должны его забывать, и я обязан в будущем научить своих детей окинавскому языку. Мама всегда солидарна с папой и поддерживает его во всем.

Больше всего отец страстно любил футбол. Это неудивительно, ведь этот парень родился и вырос в Бразилии. Помимо сборных Бразилии и Германии его сердцу принадлежали три команды: бразильский «Сан-Паулу», наш ФК «Нюрнберг» и итальянская «Рома». Первые две команды легко объяснимы, но «Рому» отец полюбил из-за Хидетоси Накаты, его любимого футболиста и нашего однофамильца. Когда Наката выиграл чемпионат Италии в составе «Ромы», отец стал преданным фанатом этой команды, и мы с Джуном тоже прониклись этой страстью. Отец мне говорил, что, если бы я родился на несколько лет позже, он назвал бы меня Хидетоси. К счастью, этого не случилось! Он мечтал, чтобы его сыновья стали профессиональными футболистами. Но нам с Джуном не суждено было стать ими. Думаю, что Джун, как и я, ни капли не жалел бы об этом, какая бы прекрасная и праздная жизнь была бы у нас, будь мы футболистами.

Отец каждый день, как только наступал рассвет, отправлялся на работу в компанию «Сименс» в городе Эрланген. Как я часто слышал, в компании отца считали честным и трудолюбивым работником. До Нюрнберга оттуда — всего лишь краткий промежуток пути, километров восемнадцать, которые он преодолевал за полчаса на своем стареньком, но верном «Опеле». Вечером отец возвращался из своего путешествия. Каждое его возвращение становилось событием для всех нас, и мы выбегали ему навстречу с радостными криками. Его усталый взгляд в эти моменты сразу же начинал сиять, а из широкой улыбки выходил радостный звук «О!». Он звучал как нечто волшебное, что означало наступление счастья. Затем он говорил нам с Джуном ласковые слова, и мы все обнимались. Так мы встречали нашего отца каждый рабочий день. Весь дом наполнялся ароматом ужина и ожиданием уютных семейных посиделок, в которых мама всегда была готова поделиться с ним мелкими радостями и переживаниями прошедшего дня.

По вечерам отец порой засыпал под громкие звуки телевизора, сквозь которые мы с Джуном слышали его храп, ритмичный и глубокий. Мы тихонько сидели рядом, с интересом наблюдая за экраном, либо просто играли, если по телевизору показывали что-то неинтересное.

Мама в это время подходила и выключала экран либо убавляла громкость. В такие моменты отец неизменно пробуждался, открывал глаза и с легкой досадой говорил:

— Я же смотрю!

Мама в ответ удивленно поднимала брови и с ухмылкой качала головой:

— Я тебя скоро к врачу потащу, чтоб уши твои лечить, и не только уши.

Мама была удивительной женщиной. До того как жизнь преподнесла ей нас с Джуном, она работала бухгалтером, измеряя свои дни числами и таблицами. По ее словам, с нашим приходом в этот мир ее жизнь как будто переключилась на другую частоту, где дни наполнялись уже другими заботами, тревогами и радостями. Она стала хранительницей домашнего очага, места, где магия повседневных дел сплеталась с теплом материнских объятий.

Конечно, с этой ролью приходили и заботы. Мама часто жаловалась на всех нас, чтобы мы убирали за собой носки, которые, по ее мнению, были разбросаны по всему дому. Ворчала, почему везде в ванной постоянно забрызгано, особенно зеркало, где можно было изучать историю каждого нашего утреннего умывания. Но как только мы с Джуном начали ходить в школу, мама решила вернуться к своему прежнему занятию. Она устроилась на полставки бухгалтером в супермаркете. И как мама успевала справляться со всеми нами, ума не приложу.

В те годы я иногда ощущал дома одиночество, ведь Джун пошел в школу на год раньше меня. Именно тогда рядом со мной всегда оказывалась Юки. Моя сестренка порой просила поиграть с ней, и чаще всего мы проводили время за машинками. Рядом с ней мне всегда было удивительно спокойно, будто бы мир вдруг переставал требовать от меня лишних слов. В такие моменты я переставал что-либо соображать и просто существовал — без мыслей, без вопросов, без ощущения движения времени.

Ей было около четырех-пяти лет, хотя, признаться, я иногда путался в ее возрасте, ведь для меня она всегда оставалась той же малышкой с сияющими глазами и забавной улыбкой. Я часто ругался с сестренкой, чтобы она не играла с моими машинками без меня, потому что она их постоянно теряла. Из-за нее мама постоянно напоминала мне о том, чтобы я следил за своими игрушками. Юки редко говорила полными предложениями, обычно ограничиваясь отдельными словами, когда что-то хотела. И в этом молчании мне почему-то было легче, чем среди взрослых разговоров, полных тревоги. Несмотря на ее спокойный характер, как только начинала играть музыка, она улыбалась и начинала качать головой в такт. Ее короткие волосы, забавно собранные на макушке, придавали ей еще более смешной вид.

Помимо игр с машинками Юки обожала рисовать. Иногда она так увлекалась этим занятием, что не реагировала ни на какие наши просьбы или замечания. Почему-то в эти моменты я просто сидел и замороженно смотрел на нее и ее рисунок. Не мог оторваться! Наверное, меня привлекало ее погружение в творчество. Хотя там всегда выходили каракули, далекие даже от детского совершенства. Несмотря на это, все ее рисунки я хранил у себя в альбоме. Не знаю, зачем я их бережно складывал, казалось, они были моими сокровищами. Я любил Юки, и мне всегда было трудно оценить ее поведение и поступки. Она могла часами сидеть, строя что-то из «Лего», а я почему-то всегда любил наблюдать за этим процессом. Вот такая она у меня.

Вечером за ужином дома ощущалась непривычная печаль. Этот дом, всегда наполненный смехом и шумом, теперь казался лишенным жизни и яркости. Я думал, как же пусто дома без Джуна. Как ему, должно быть, одиноко в больнице! В моем воображении он представлялся заброшенным, как бедная птичка, запертая в клетке, чьи крылья подрезали, лишив ее возможности летать. В этой мертвой тишине дома, перед ужином я услышал, как родители ругаются.

— Он не такой, как все! Минори! Им нужен присмотр! — проговорил отец на повышенных тонах.

— Уж во дворе они сами могут играть! Кенджи присмотрит за Джуном, — сказала мама. Она права, теперь я точно буду всегда присматривать за Джуном.

— И у Кенджи, кажется, проблемы. Как он будет ходить в школу?

«Какие еще у меня проблемы?» — подумал я.

— У него просто синдром Карлсона. Это пройдет со временем... О-о-о, Кенджи, ты уже здесь. Дай я тебя обниму. Дорогой, что ты постоянно рассказываешь Джуну? — вдруг весело спросила мама.

— Иногда сказки, иногда истории Харри. Харри, ну скажи маме, что ты сегодня мне рассказывал? И вообще, почему Харри всегда стоит, когда я ем? Ему нельзя кушать? Мам? И что за проблемы у меня?

В этот момент родители посмотрели друг на друга. Папа опустил глаза.

— Кенджи.

— Да, папа?

— Кен, я сама ему объясню, — сказала мама. Ее глаза блестели как грустные кристаллы.

— Кенджи, милый мой, мы с папой не видим Харри. Его видишь только ты...

— Почему?

— Потому что Харри твой ангел-хранитель.

— Ангел-хранитель?

— Ты же всегда говоришь, как Харри тебе помогает, играет с тобой, рассказывает разные истории, — сказал папа.

— Да.

— Дорогой, не пугайся этого, — мама поцеловала меня в лоб, — скоро ты пойдешь в школу. И Харри будет помогать тебе, только ты никому не говори про него, хорошо?

Я внимательно смотрел на родителей и на Харри, переваривая эту информацию.

— Обещай, Кенджи, что никому не будешь говорить про Харри, — сказала мама, глядя мне в глаза.

— Хорошо, мам. Харри тоже говорит никому не говорить про него. Это будет нашим секретом.

— Так будет лучше для тебя. А то в школе все будут смеяться над тобой.

— А я пойду в школу Джуна?

— Нет, ты пойдешь в другую школу.

— Почему?

— Потому что у Джуна учатся по-другому, — сказал папа.

Я понял, что отец имел в виду. В течение года, что Джун учился в той школе, мы с родителями несколько раз навещали его по праздникам. Там я познакомился с его друзьями. Сначала мы с родителями смотрели на них с испугом и жалостью, но со временем наши чувства сменились любовью. Я видел это в глазах родителей. В основном здесь учились дети с ДЦП и инвалидностью различной степени. Но когда Джун играл с ними, я почувствовал одновременно и боль, и радость. Из моих глаз непонятно почему текли слезы, и это были не слезы жалости, а слезы радости за них, за их улыбки. Какие же они все добрые и чистые.

Я бы хотел, чтобы каждый человек при встрече с особенным ребенком дарил ему всю любовь, что есть у него. Грудь моя сжималась все сильнее, и я, не выдержав, подходил к каждому из них и обнимал. Невинные и сильные, они смеялись, а я, как слабый мальчик, плакал. Я заметил, что и родители тоже не могли сдерживать слез. Отец отвернулся, вытирая глаза, а мама обняла меня и другого ребенка, прижимая к себе. Я думал, какие же мы слабые, я и родители. Мы плакали не от боли, а от того, что эти дети с их чистыми сердцами научили нас чему-то важному.

Несмотря на сентиментальную обстановку, мы весело проводили время. С друзьями Джуна я катался на велосипедах, участвовал в играх, которые они придумывали сами, и смеялся вместе с ними. Я был по-настоящему счастлив и чувствовал, что становлюсь другим человеком. Мой брат обрел друзей, а я — урок, который никогда не забуду.

Когда Джун вернулся домой после выписки, его походка изменилась. Он слегка прихрамывал, а его шрамы по всему телу, и в особенности на лице, вызывали у меня противоречивые чувства. Мне было грустно и больно видеть его таким, но я был рад и горд, какой у меня сильный брат. Не знаю, почему, я чувствовал, что люблю его еще сильнее. Несмотря на тот случай, Джун все еще обожает собак.

На день рождения Джуна пришли его друзья из школы. На улице почему-то похолодало, и некоторые гости пришли в кофтах. В это время родители обычно пьют осенний «Федервайсер», это такое совсем молодое, но еще не готовое вино. Обычно на дне рождения Джуна всегда теплее, чем на моем дне рождения (я-то родился в холодный ноябрьский вечер). Мама пригласила свою коллегу тетю Анну и ее дочь Жаклин. Жаклин была старше нас, лет десяти. У нее был синдром Дауна. Увидев ее, мне стало больно, раньше я бы испугался ее и не подходил. Но месяц походов в школу Джуна полностью меня изменил. Мое сердце стало мягче, но в глазах перестал появляться страх перед необычной внешностью или поведением особенных людей. Сначала я подумал, что Жаклин просто плохо говорит, но через несколько секунд понял, что она совсем не может говорить и едва передвигается. Когда нам раздали сладости из безе, она поглощала их как дикарка, разбрасывая кусочки вокруг. Я злился, что она насорила, ведь дома была чистота. А я столько приложил сил ради такой чистоты! Но Джун, увидев это, подошел к Жаклин, взял ее за руки и повел мыть их. Мне стало стыдно за себя, и Харри, как обычно, положил руку мне на плечи и улыбнулся. Я подошел к ним и вытер их руки полотенцем. Этот простой жест Джуна показал мне, что истинная сила проявляется в заботе о других, особенно о тех, кто в этом нуждается больше всего.

Родители подарили Джуну щеночка, золотого ретривера с роскошной светлой шерстью. Мы назвали его Феликсом, и имя это оказалось точным символом радости и благополучия, которое он принес в наш дом. Феликс стал настоящим эпицентром веселья в нашей семье. Все дети без исключения радовались и играли с ним. Его первые неуклюжие попытки исследовать новый мир, полный неведомых запахов и звуков, вызывали восторг и смех. Милее создания мы еще не видели. Феликс подбегал к каждому ребенку и облизывал его, одаривая своей любовью всех без исключения. Целое маленькое счастье бегало вокруг нас.

В этот день мы много играли и разговаривали. Я старался развеселить всех этих невинных детей, наполнив наш дом счастьем и смехом. Когда я рассказывал Жаклин истории Харри, а Джун мне помогал и показывал руками свои образы, она внезапно невнятно тихо произнесла имя Джуна. Я не обиделся, что она не смогла произнести мое имя. Зато мама Жаклин навсегда запомнила этот день, ведь она впервые услышала, как ее дочь заговорила. Она расплакалась и обнимала всех нас троих. Какая еще нужна награда, чем слезы радости.

Позже я понял, какая тетя Анна сильная женщина. Несмотря на ее веселую манеру речи (такая позитивная речь с протягиванием звуков, казалось, она летает в облаках, как будто блондинка на позитиве), она все-таки была сильной и мудрой женщиной. И всегда остается такой в моих глазах. Она часто повторяла, что все, что ни делается, к лучшему. Однажды из ее разговора с мамой, я узнал о тяжелом периоде ее жизни. Когда тетя Анна была беременна Жаклин, врачи сообщили ей неутешительные новости. В тот момент ее мир перевернулся. Со слов тети Анны, во время беременности она не хотела жить, перестала радоваться и улыбаться. Она тяжело дышала. Каждую ночь ее подушка промокала от слез отчаяния. Так вначале у нее появилась депрессия. Она поборола ее благодаря мужу, который постоянно гладил ей живот и твердил, что ребенок будет счастливым, и что он любит их обоих, и что они теперь должны будут стараться еще больше ради своей малышки. Так она отказалась от аборта.

Когда Жаклин появилась на свет, диагноз врачей подтвердился. Я не представляю, сколько боли и страданий вытерпела эта семья. Жаклин с рождения четыре раза помещали в реанимацию. Ей проводили различные операции. После них она проходила постоянную реабилитацию. Жаклин даже была в коме несколько недель. Эта история потрясла меня до глубины

души. Мне стало стыдно за себя, что, когда я увидел тетю Анну, подумал о ней плохо. Называл ее тупой курицей. (Ну, манера речи у нее такая!) Из этого я сделал вывод, что никогда нельзя судить человека! У каждого из нас свой путь, свои скрытые раны и своя борьба. И когда я узнал, через что она прошла, мне хотелось, чтобы весь мир, все люди и страна помогали таким матерям всем, чем смогут. А государство должно выделять им неимоверно большие деньги, чтобы они с ребенком могли покупать все, что хотят, посещать любое место, путешествовать везде, где хотят. Они достойны всего самого наилучшего.

Также тетя Анна рассказывала, что она впервые начала молиться Богу. По ее словам, Жаклин изменила их с мужем жизнь. Она сделала их лучше. Несмотря на все это, она рассказывала все без негатива, а скорее с воодушевлением. Она говорила, что синдром Дауна еще не приговор для человека. Существует много современных обучающих методик и средств реабилитации, которые делают ярче жизнь реабилитируемого человека. Также она вдохновенно говорила про свое открытие, что есть люди с синдромом Дауна, которые работают и даже создают семьи. После этих слов и у меня на душе стало спокойней, что и они могут иметь право на счастье.

Сейчас, в тишине вечера, я задумался о своей матери. А ведь и она столько всего испытала из-за нас с Джуном. Но, думаю, она была счастлива с нами. Ее слова и взгляд, когда мы были малышами, остаются со мной навсегда. Обнимая нас, она всегда говорила, как она счастлива. Мама учила нас, что в жизни нет ничего невозможного и что любые преграды можно преодолеть с любовью, упорством и верой в себя.

После дня рождения Джуна, меньше, чем через неделю, я впервые пошел в школу. Это мое новое приключение было наполнено множеством чувств, от восторга и любопытства до легкой степени тревоги перед неизвестным. Школа отличалась от детского сада размерами и атмосферой. Территория казалась огромной, здания высокими и внушительными. В первый день я задумался, смогу ли найти свой класс, если буду приходить один. Школьные коридоры, полные шума и голосов, напоминали лабиринт, в котором каждый поворот скрывал что-то новое и неожиданное.

Первый день в школе ознаменовал для меня не просто очередное утро, а начало нового этапа моей жизни. Родители вручили огромный для меня на тот момент шультюте. Кто не знает, шультюте является традиционным немецким школьным кулком, символизирующим начало учебного пути. Мой школьный кулек имел форму огромного ярко украшенного бумажного конуса с мягким верхом на завязке. В него родители положили не только разные сладости, но и пенал с карандашами, резинку, точилку и небольшую машинку. Помню, как я еле таскал его в тот день. К тому же снаружи мой кулек ухудшался из-за моих влажных ладоней.

С того трагического момента с Джуном я заметил, что у меня начали потеть руки. словно тело через руки пыталось избавиться от тревог, которые я не мог выплеснуть словами. В школе и других местах это вызывало у меня неудобства при знакомстве или при приветствии кого-либо. Я часто неохотно подавал руку, и реакция знакомых на мое рукопожатие почти всегда была неоднозначной. Так мне казалось. Возможно, в то время моя центральная нервная система разрушалась из-за переживаний. При знакомстве приходилось незаметно протирать ладони о какую-нибудь свою вещь, например в кармане штанов, или о заднюю часть футболки и трясти руками. Харри постоянно говорил мне успокоиться. Позже я заметил, что был расслабленным только утром после пробуждения и после еды.

У меня была еще одна странность. Еще в детстве, даже не помню, когда это началось. Я заметил это в университетские годы. Я боялся микробов, этот страх преследовал меня неотступно. Каждый раз, когда я прикасался к чему-то чужому или обменивался рукопожатием, меня охватывало чувство тревоги. Мои мысли сразу же направлялись к ближайшему источнику воды. Я спешил к умывальнику, настойчиво мыл руки с мылом. Из-за этого кожа на них трескалась и шелушилась. А если мыл руки в общественном туалете, после мытья брал еще бумагу

и открывал дверь, держась бумагой за ручку двери. И когда бумага отсутствовала, для меня было целым испытанием открытие двери туалета. Приходилось решать данную «проблему», чтобы не прикасаться к ручке двери руками. С душем тоже было непросто. Если после мытья я нечаянно задевал кафель в ванной локтем или другой частью тела, то сразу же принимался мыть это место с мылом заново.

Странные привычки не ограничивались только этим. Когда я шел пешком, если сбоку стоял столб или здание, я наступал вперед правой ногой за невидимой линией перед собой на уровне столба (или здания). В эту невидимую линию от столба (или начала здания) я как бы заходил (на новую территорию) правой ногой. Еще правой ногой переступал ближайшую линию теней от здания или перешагивал тень столба. Правой ногой я также начинал перешагивать любые пороги, словно соблюдая некий неведомый мне закон. Эти странности преследовали меня с подросткового возраста, и я почти не осознавал их до тех пор, пока не начал писать свой первый роман. В процессе работы над книгой я вдруг обратил внимание на свои привычки и стал их постепенно искоренять. Однако даже после этого, входя в любое помещение, я продолжал заходить с правой ноги.

Я любил бродить по улицам родного города. Любил смотреть на небо, птиц, деревья. Меня завораживала природа, и порой я мог подолгу стоять под деревом, наблюдая, как легкий ветерок играет с листвой, и вслушиваться в их нежный шорох.

Однако походы в школу не вызывали у меня подобного восторга. Мне казалось, что каждое утро вставать и идти туда — настоящее издевательство над ребенком. Каждое утро я заявлял маме о своих правах. Даже в школе нам иногда напоминали о наших детских правах. На это мама отвечала:

— «Хочу — не хочу» жене своей будешь говорить!

И Харри всегда соглашался с мамой. Приходилось уступать. Знал бы я тогда, что с женами будет еще сложнее!

Джун, как всегда, с радостью бежал в школу, будто каждый день был для него праздником. Его забирали и привозили на автобусе специально нанятые для этого люди, которые относились к своей задаче с теплотой и вниманием. А Юки всегда выходила в садик позже нас. Не знаю, как родители успевали ее отвезти после меня, но возвращалась домой она раньше нас.

Начальные классы пролетели как во сне. Первые два года в школе мне было весело, и Харри всегда помогал мне с уроками. Вообще, первые начальные годы обучения не сильно отличались загруженностью от детского сада. Но перед поступлением в гимназию начались настоящие испытания. Родители постоянно напоминали, как важно поступить в гимназию, ведь это облегчит путь в университет. Я старательно готовился к экзаменам. Забегая вперед, могу сказать, что в университет я поступил, но не доучился. Тогда мне казалось это несправедливым. Почему детям, не прошедшим в гимназию, усложняют жизнь? Вдруг гениальность какого-нибудь ребенка начнет проявляться к шестнадцати годам? А он учился в школе для неуспевающих, и ему тяжелее будет раскрыть свой талант.

Школа в целом была для меня светлым местом, где мне нравилось учиться и познавать мир. Но с последнего года начальных классов на это место легла тень. Трое мальчиков из параллельного класса находили в моем существовании повод для своих грубых шуток и оскорблений. Они называли меня узкоглазым и ненормальным, смеялись над тем, что я часто обращался к Харри. Самым дерзким среди них был Альберт Линге. С него все мои беды и начались.

— Эй, ты, четырехглазый узкоглазый! — услышал я однажды в школе во время перемены. Обернувшись, я увидел этих троих мальчишек, что пытались меня дразнить. Они дико смеялись, когда я обернулся. Знали бы эти детки тогда, как расшатывают психику и так неуверенного ребенка.

— Давай их проучим! — предложил Харри.

— Нет, их трое. Еще их поддерживают остальные ребята.

— Кто сказал, что их поддерживают?

— По крайней мере, они почти со всеми хорошо ладят.

— И что, ты будешь их так терпеть? Давай проучим их!

— Харри!

— Хорошо. Ты такой добрый. Ты прав, они всего лишь дети. Что с них взять?

— Мне нужно поступить в гимназию, как говорил отец.

— Точно! Поступим в гимназию. А эти глупые молокососы точно не попадут в гимназию.

— Это от них зависит, — вздохнул я.

В этот момент я почувствовал удар по плечу. Кто-то задел меня своим плечом.

— Эй, придурок, ты опять сам с собой разговариваешь?

Обернувшись, я увидел тех же мальчиков. Они снова начали свои насмешки.

— Да он псих! Болтает сам с собой, ха-ха-ха, — сказал один из них. А второй хлопал ему по плечу и разрывался от смеха.

— Смотрите! Этот узкоглазый опять разговаривает сам с собой!

— Он только сам с собой и говорит!

Вокруг поднялся смех, и я задыхался, словно школьный коридор уменьшался, давя на меня со всех сторон. Эти взгляды и дьявольские улыбки давили на мое самочувствие. Голова перестала соображать. Я остановился, задыхаясь, думая, что вот-вот упаду. Все смотрели на меня и смеялись.

— Эй! — Харри слегка ударил меня ладонью. — Приди в себя!

Поморгав и поправив очки, я начал понимать, где нахожусь и что нужно делать.

— Соберись и иди на занятия! — сказал Харри.

С тех пор я перестал разговаривать с Харри на людях. Мне казалось, он понимал это и старался меня не отвлекать, когда я находился с кем-то вне дома. Каждый новый день оборачивался испытанием. Школьные коридоры, полные смеха и шепотов, казались мне полем битвы.

Кроме этого, мне было обидно, что они обзывали меня узкоглазым. Тогда я не задумывался о природе их злобы. Я не видел в их словах банальной глупости или отсутствия воспитания. Позже я понял, что они не хотели кого-то задевать по национальному признаку, то есть они хотели задеть только меня. Мы учились в школе с множеством детей из Азии: китайцы, корейцы, филиппинцы и другие. Но их никогда так не обзывали, только меня. Только я становился мишенью. Не из-за моих глаз или черт лица, а из-за того, что во мне было что-то другое, чего они не могли понять и потому отвергали. Я осознал это позже. И все же тогда я злился на этих ребят, а затем и на свою внешность. Тогда меня раздражала моя внешность. Я не понимал, как и они не понимали, что обзывать по национальному признаку — это от недалекого ума.

Я замыкался в себе, становился отчужденным от внешнего мира. Были только я, Харри и мои родные. Даже с Андреасом и Томасом я перестал гулять на улице. Феликс был единственным, кто по-настоящему успокаивал меня. Его веселый нрав поднимал мне настроение, особенно когда он быстро вилял хвостом. А его шерсть согревала меня во всех смыслах. И физически, и душевно.

Я постоянно смотрел на себя в зеркало, пытаюсь найти в себе то, что раздражало этих мальчишек. В таких ситуациях Харри повторял, что я симпатичный, просто азиатов в Европе не так много, и что эти парни из тех, кому надо постоянно подтверждать свое превосходство, особенно когда они видят не похожих на себя людей. Удивительно, какой Харри мудрый. Я наблюдал за окружающими меня людьми, и большинство казались мне такими жестокими, находящимися в образе крутых или особенных. Да, они были людьми, но какими? Мне все больше казалось, что Харри более настоящий человек, чем они. Все-таки иметь человеческую внешность не значит быть человеком.

Глава 3. Первый шаг

У нас в Германии после завершения четырехлетнего обучения в начальной школе ученики сталкиваются с выбором пути дальнейшего среднего образования. Одним из наиболее престижных направлений является гимназия, которая предназначена для подготовки учащихся к получению абитура, то есть аттестата зрелости. Получив данный аттестат, мы имеем право в дальнейшем поступить в университет. Так в гимназию я поступил благодаря рекомендации моего учителя начальной школы и успешно сданным вступительным экзаменам. Еще мне сообщили, что учитывались также мои успеваемость и оценки в начальной школе.

Во второй год моего обучения в гимназии, что соответствовало шестому году школьной жизни, перед нами поставили задачу написать сочинение на тему зимы или Рождества, до которого оставались считанные дни. У меня крутилось столько мыслей в голове, но, несмотря на это, я сидел и смотрел на свой пустой лист. Вглядываясь в окружающую обстановку, я заметил, что большинство моих одноклассников уже написали несколько строк. Появились мысли, наподобие: «Неужели я такой глупый?». Я просто-напросто не знал, что делать. Время неумолимо тикало, и паника постепенно накрывала меня. Как же преодолеть ступор? И в этот момент, когда страх почти одолел меня, рядом раздался тихий, но уверенный голос моего ангела-хранителя. Харри, как обычно, положил мне руку на плечо:

— Давай, Кенджи, я тебе помогу.

— Да, помоги, пожалуйста, — сказал я шепотом. Некоторые одноклассники, что были рядом, уставились на меня.

— Можешь ничего не говорить, — продолжил Харри, — просто кивай, когда запишешь, и я буду дальше диктовать.

И я начал писать. Сначала неуверенно, как человек, который только учится ходить, но вскоре слова начали течь ровно и плавно. Харри говорил, а я слушал и записывал.

Хочу показать этот рассказ. Все-таки он первый у нас с Харри. В последующем этот рассказ вдохновит меня уже во взрослом возрасте. Назвал я его «Бразильское чудо». Я помнил, как отец в детстве рассказывал мне невероятные истории о бразильских мальчиках, которые попадали в удивительные приключения. Я знал, что он выдумывал их на ходу, но его рассказы были так наполнены жизнью и светом, что я верил каждому слову. В его устах Бразилия всегда звучала как место чудес, наполненное теплом и неподдельной радостью.

« — Эх, — вздохнул смуглый мальчик лет десяти. — Жаль, что праздники закончились. Весь Рио до сих пор усыпан белыми карнавальными бумажками!

— Да! — кивнул в ответ его друг, светловолосый мальчик того же возраста. Оба носили лишь разодранные шорты и старые сланцы. — Знаешь, я так мечтаю увидеть снег! Мне мама часто рассказывала про снег, ведь она выросла в Португалии.

— Дядя Роке как-то говорил про снег. И какой он?

— Он белый, чистый и мягкий. А еще он иногда блестит. Так обидно, что я никогда не смогу увидеть снег.

— Увидишь еще. Поверь.

— Нет, мы даже из этого бедного района с трудом выбираемся.

— Жулио, я обязательно подарю тебе снег на следующий Новый год. Папа сказал, что мы скоро уедем на два года жить в Германию. Дядя Роке нашел там работу и дом. И он говорил, что там много этого снега!

— Как, Эдсон? Он сразу же растает! Ты не сможешь его сюда привезти!

— Смогу, Жулио, ты, главное, верь!

Через полгода Эдсон с родителями переехали жить в Германию, в Гармиш-Партенкирхен. Он с нетерпением ждал наступления Рождества. С приближением этого знаменатель-

ного события он все чаще слышал истории про волшебную ель в лесу. По местному преданию, тот, кто нарядит эту ель перед Рождеством, к нему в рождественскую ночь придет сам Вайнахтсман. Конечно, местные жители уже давно не верили в такие вещи. Но не Эдсон. Он вырос в Рио, где статуя Иисуса вдохновляла его каждый божий день. И он решил во что бы то ни стало найти волшебную ель.

С наступлением зимы Эдсон удивлялся и радовался падающему снегу. Игловидные листья елей, покрытые снегом, безмерно радовали его глаза. К этому времени он очень соскучился по своему другу и уговорил своего отца остаться на рождественскую ночь неподалеку в деревне, где он сможет отыскать волшебную ель.

В итоге они остановились по приглашению в деревне у одной доброй бабушки, которая была матерью коллеги его отца. В предрождественские дни вся бразильская семья готовилась к празднику. Им было крайне непривычно встречать Рождество дома в узком кругу немецкой семьи. Тогда во время всей этой суматохи Эдсон решил отыскать волшебную ель. Отец поддерживал сына в ее поисках, и они пошли в лес, забрав с собой несколько новогодних игрушек для ели.

Лес стоял в торжественном молчании, а снег падал так тихо, будто кто-то аккуратно встряхивал огромные перья. Ели, покрытые белым пухом, казались древними хранителями этой зимней сказки.

Отцу хотелось доставить радость сыну, который все больше отчаивался, смотря на огромное количество елей в лесу. На вопрос «Как он найдет эту самую ель?» отец со всей серьезностью объяснил, какую он выберет, та и будет волшебной. Главное, чтобы он верил! Об этом отцу рассказала бабушка из деревни.

Эдсон долго бродил среди величественных елей, каждая из которых казалась нарядной и гордой. Но его взгляд упал на маленькую одинокую елочку с обломанными ветками. «Вот она, — подумал Эдсон. — Она просто ждет своего чуда, как и Жулио».

В рождественскую ночь Эдсон направился к своей наряженной ели. И к его удивлению, рядом с ней стоял и улыбался высокий старик с большой белой бородой и в красной шубе. В ту ночь бразильский мальчик попросил Вайнахтсмана исполнить его желание.

Проснувшись утром, Эдсон сразу же подбежал к окну. Снег все еще кружил в воздухе, укутывая землю в белое одеяло. Он вдруг улыбнулся и прошептал: «Спасибо, Вайнахтсман. Теперь Жулио тоже увидит чудо».

По телевизору передавали утренние новости: «Аномальное явление! В Рио-де-Жанейро пошел снег! Ученые ломают голову над этим природным явлением! Что это? Знак того, что климат на планете начал существенно меняться, либо это чудо? Смотря на радостных бразильских детей, думается, скорее всего, что второе...» Увидев новости, Эдсон широко улыбнулся и представил лицо Жулио, его большие глаза, полные изумления и счастья. «Теперь ты тоже увидел снег, мой друг», — прошептал он.

В один из жарких дней Рио к одному расстроенному мальчику подошел юноша лет семнадцати. Мальчик грустно смотрел, как играют его ровесники в футбол возле трибун.

— Эй, малыши, почему ты грустишь?

— Мне никогда не стать хорошим футболистом, — уныло ответил мальчик.

— С чего ты это взял? — Молодой человек улыбнулся и погладил по голове мальчугана. Он смотрел на мальчика и вспоминал себя — босого мальчишку из Рио, который мечтал увидеть снег. — Ты станешь великим игроком. Как говорил мой друг Эдсон, главное — верить!

Мальчик с удивлением посмотрел на юношу со светлыми волосами, и как только узнал его, эмоционально проговорил:

— Ого! Ты же Жулио Жуан! Тот самый! Восходящая звезда Флумененсе!» — Его глаза горели восторгом, а голос дрожал от волнения.

Жулио улыбнулся и поднял взгляд к небу.

«Главное — верить», — повторил он про себя.

С этого рассказа я начал верить в чудеса. Благодаря этому рассказу я нашел свое истинное призвание. Оно дивным образом связало меня с Харри. Этот рассказ открыл для меня новый удивительный мир писательского ремесла, где я ощутил себя участником волшебного процесса. После него я с полуслова понимал речь Харри и записывал уже без каких-либо его указаний. Передо мной появлялись новые миры, наполненные людьми и существами, которых ранее не существовало ни на одной странице всех книг мира. Магия проникала в каждое слово, каждое предложение, и я ощущал ее силу при написании рассказов Харри.

В тот момент я понял, что истории можно не просто рассказывать — их можно фиксировать, создавать и хранить, чтобы они не исчезали. И тогда я еще не до конца осознавал, что именно ради Джун это желание во мне и родилось.

В последующем каждое мое сочинение хвалили преподаватели школы. С тех пор учителя по литературе стали считать меня одаренным учеником и часто помогали мне в отношениях с другими преподавателями. Каждое наше с Харри сочинение я приносил домой и показывал родителям, а вечерами читал Джуну и Юки. Мои брат и сестра всегда радовались и с интересом слушали мои рассказы. Пока однажды я не заметил кое-что по-настоящему важное.

С каждым рассказом, с каждой новой страницей росло мое понимание того, что чудеса не просто случаются. Мы сами творим их, вкладывая душу и сердце в свои дела. Истории, рожденные в союзе с Харри, стали доказательством этого.

— Сердце, — медленно и невнятно произнес Джун после того, как я рассказал ему очередной рассказ.

— Что ты сказал? — Я взял его руку и поставил на грудь. И сам так же сделал. — Да, Джун! Здесь находится сердце!

— Сердце-е-е.

— Да, Джун! — сказал я громко снова на эмоциях. И тут до меня дошло, что после каждого моего рассказа Джун произносил по одному слову. Я был счастлив. Невероятно, как одно слово одного человека может осчастливить другого!

— Джун! Ты сказал «сердце»! А до этого помнишь, что говорил? Ну-ка повтори: «Любовь, рождение, мама, папа, чудо, снег, улыбка»...

— Л-л-любовь, р-рожде-е-ение-е-е, мама, папа, — невнятно произнес Джун.

— Мам, пап! Идите сюда!

Я рассказал родителям о своем наблюдении. Они расспрашивали нас, обнимали, удивлялись. Еще не так давно он начал обращаться к родителям, невнятно говоря слова «мама» и «папа». Нам тогда это казалось чудом. Каково было их удивление, когда я рассказал им о чудесных последствиях рассказов Харри. Я искренне считал рассказы Харри волшебными. Покрасневшие, мокрые от слез и горячие лица родителей навсегда остались в моей памяти. Когда я вспоминаю об этом, мои щеки сразу же начинают чувствовать прикосновение их лиц.

Мои тетради, заполненные рассказами, всегда находили теплый прием в сердцах моих родителей. Мама не только бережно их читала, но и, как я узнал, с радостью делилась этими историями со своими подругами, пересказывая их содержание с таким же воодушевлением, с каким я погружался в каждую из них. Мои вечера, проведенные за чтением вслух для Джун, стали любимым семейным ритуалом, о котором мама рассказывала своим подругам с нескрываемой гордостью.

Однажды, во время одного из таких дружеских чаепитий, когда мама в очередной раз оживленно повествовала о моем последнем рассказе, одна из ее подруг уловила в этих историях нечто особенное. Она предложила идею, которая в корне изменила мою жизнь.

— Почему бы не собрать эти рассказы в книгу для детей? Эти истории заслуживают того, чтобы о них узнал весь мир! — сказала она, а ее глаза светились искренним восхищением.

Не знаю, как это произошло, но когда мне исполнилось тринадцать, мама вручила мне подарок, который запечатлелся в моей памяти навсегда. Это была книга — моя с Хари книга, с моим именем на обложке. Она была необычайно красочной, с яркими иллюстрациями, которые оживляли мои с Харри рассказы. Чувство радости и гордости, которое охватило меня в тот момент, было настолько велико, что я не мог сдержать эмоций. От радости я обнимал Джуна и Юки с такой силой, будто хотел поделиться с ними всем своим счастьем.

— Смотри, Харри! Мама сделала книгу с нашими рассказами! Смотри, какие замечательные рисунки! — воскликнул я, забежав в свою комнату.

— Да, Кенджи. Это прекрасно, — ответил Харри с мягкой улыбкой.

— Теперь все дети мира будут читать наши рассказы!

— Конечно!

Мы с Харри смеялись и прыгали вокруг нашей комнаты, словно два спутника, вращающиеся вокруг собственной маленькой планеты, созданной из наших мечтаний и рассказов. Когда отец вернулся домой с работы, я с гордостью подошел к нему, держа книгу в руках, как священную реликвию. Он притворился, что не знал о книге. Но я-то всегда знал, когда он притворяется. Улыбка на его лице и теплый взгляд говорили больше, чем слова.

Вначале мама принесла несколько копий книг, которые мы подарили по моей просьбе Андреасу, Томасу, пару штук в школу Джуна и другим знакомым родителей. Все выражали только позитивные эмоции и восхищение ко мне и книге. Родители гордились моим успехом. А уж как важно я ходил в то время с улыбкой до ушей, что родители шутили над моим величественным поведением. Ведь я ощущал себя королем, единственным во всей моей вселенной.

Каждое утро я просыпался с мыслью, что где-то в этом огромном мире ребенок открывает нашу книгу, погружается в наши с Харри истории и улыбается, переживая те же чувства, что и я при их написании. Тираж моей книги, как сказала мама, составил пять тысяч экземпляров. Для меня эта цифра казалась фантастической. Тогда для меня пять тысяч или пять миллионов не имели различия, ибо мои эмоции зашкаливали за миллиард!

Глава 4. Первая любовь

Со временем я научился не показывать, как я разговариваю с Харри. К тому времени, когда мне исполнилось тринадцать, мне уже перестали приписывать метку «сумасшедшего». С того момента, как вышла наша с Харри книга с рассказами, я стал больше обращать внимание на девочек. Даже любил смотреть на них. Они казались мне самыми нежными существами на свете. Внутри меня горело желание понравиться им, но снаружи я оставался отчужденным и нерешительным. В эти моменты у Харри появилась привычка шутить надо мной. Я был очень робким и стеснительным с девочками. Кажется, такое поведение нормально в подростковом возрасте. Мне казалось, что весь мир наблюдает за моими попытками.

Я так и не смог по-настоящему подружиться ни с кем в школе. Не имел ни братской дружбы с мальчиками, ни романистической — с девочками. Мои друзья Томас и Андреас учились в другой гимназии, которая находилась далеко от нашей. Поэтому мы виделись только по выходным. В будние дни мне не хватало их поддержки, шуток и разговоров.

Моя спокойная и одинокая жизнь в школе продолжалась недолго. На одном из уроков литературы учитель фрау Зденек внезапно сообщила всему классу, что я выпустил книгу для детей и подростков. В этот момент я ощутил на себе множество удивленных и любопытных взглядов. На перемене ко мне подошли ученики, один за другим, и начали расспрашивать, как я это сделал. Я отвечал, что мама взяла все мои тетрадки с записями рассказов, которые я писал для Джуна, и опубликовала их.

Я стал очень известным не только среди учеников школы, но и среди преподавателей. Порой, когда я заходил и выходил из школы, некоторые взрослые, вероятно преподаватели или работники школы, которых я даже не знал, здоровались и прощались со мной, называя мое имя. Таким образом, я завел хорошие отношения не только со многими одноклассниками в школе, но и среди взрослых. Я чувствовал себя местной звездой школы и почти поверил в счастливую школьную жизнь. Но Альберт Линге, мой старый обидчик, застал меня и в гимназии.

— Эй, четырехглазый узкоглазый! Ты что, меня не слышишь? Кенджи Наката! — подошел ко мне Альберт. Рядом с ним шел Отто, его закадычный друг и соучастник преступлений против меня. Их третий приятель, Михаэль, как я потом узнал, не смог поступить в гимназию.

— Вот это да! Неужели эти недотепы тоже поступили в гимназию? Еще и в нашу! — недоумевал Харри.

— В смысле узкоглазый? — недоуменно повернулся я. С момента моего поступления в гимназию я не слышал этих слов. И вот снова услышал. И снова от заносчивого Альберта.

— А что, ты не узкоглазый, Кенджи? — продолжал он с ухмылкой.

— Что тебе нужно, Альберт?

— Просто хотел поболтать со знаменитостью.

— Знаменитостью?

— Ну да. Что-то ты какой-то глупенький. Я не верю, что ты написал целую книгу. Признавайся, тебе взрослые помогали?

— Ну, мама как-то напечатала в издательстве.

— Так это мама напечатала? А что там твое имя делает?

— Так ведь я написал рассказы в книге.

— Что? Меня бесят такие как ты. Написал он... Ладно, пойдем на урок, Отто.

— Пойдем, — ответил Отто. — А то этот узкоглазый вонючка меня бесит.

— Кто воняет? Сами воняете, свиньи.

— Что? После уроков я тебе покажу, за свинью ответишь.

После занятий меня и вправду ждало избиение от этих двух маленьких нацистов.

— Эй, узкоглазик. Если вдруг скажешь своей мамочке, что это мы тебя побили, все в школе будут над тобой смеяться, понял? Понял, я сказал? — прокричал Альберт, держа меня за волосы.

— Понял, — еле вымолвил я. После чего он меня ударил в живот еще раз.

— Так что ходи тихо и не выпендривайся. Все парни в школе знают меня, — продолжал говорить жалкий человек в образе крутого парня. — Пойдем, Отто. А то он меня так бесит!

Больше Альберт и Отто не трогали меня физически, но их издевательства и насмешки продолжались. Я изо всех сил старался не замечать их шуток, насмешек и издевок. Но пару раз психологически не выдерживал, и тогда всю ночь злился и плакал, лежа на кровати. Наверное, в подростковом возрасте такое часто бывает. Не спал всю ночь и приходил в школу полностью разбитым во всех смыслах, измученный и опустошенный, с мешками под глазами.

К счастью, терпеть выходки маленьких хулиганов пришлось недолго, ибо через год их отчислили из гимназии. Мне сказали, что это произошло из-за меня. Для меня эта ситуация показалась нелепой. Расскажу об этом подробнее. Так получилось, что когда я возвращался домой из школы, меня ударил какой-то незнакомый мне взрослый мальчик, явно старше меня на два-три года. Я, как обычно, направлялся в сторону дома, а этот парень шел мне навстречу и улыбался. Когда он подошел ко мне, без всякого предупреждения ударил меня по лицу. Я такого не ожидал. Самый опытный мастер боевых искусств не понял бы, что произошло. Я упал, сбитый с ног, а затем он ударил меня еще раз и, громко смеясь, убежал прочь.

Мама, увидев мои ссадины, окровавленные зубы и нос, пришла в ярость. Когда синяк под глазом разросся до размеров сливового пятна, она пошла в школу жаловаться директору. Оказывается, она не до конца поверила мне, что меня избил незнакомый мальчик. Наверное, мое поведение за последний год заставило ее призадуматься и пойти в школу, чтобы разобраться в этой непонятной для нее ситуации. В общем, мама устроила скандал, и школа начала расследование.

По показаниям моих одноклассников и других учеников, Альберт и Отто постоянно донимали меня и других учеников. Комиссия пришла к выводу, что меня избили именно они. На мои слова, что меня бил другой незнакомый парень никто не поверил. Все думали, что я так говорю из-за боязни перед Альбертом и Отто. В итоге этих двух хулиганов отчислили за преступление, которого они не совершали. Порой жизнь решает наши проблемы другими проблемами. Бог свидетель, я не сдавал никого, так получилось. Хотя, признаюсь, внутренне я был рад такому повороту событий. И все благодаря тому незнакомому безбашенному парню, который однажды побил меня.

Так я, наконец, обрел заветное спокойствие в школьных стенах, отыскав уголок мира среди шумных коридоров и бесконечных уроков. Но это было лишь затишье перед бурей, предвестником которой стало мое всепоглощающее кипучее чувство. Я впервые влюбился по уши, без памяти и раздумий. Это чувство нагрянуло неожиданно и полностью перевернуло мое представление о мире, заполнив его яркими красками, непреодолимым влечением и сладкой мукой первой любви.

Магдалена. Моя первая любовь. Она мне больше всех нравилась в школе. Она училась в параллельном классе. Я влюбился в нее с первого взгляда, как только поступил в гимназию. Только она удерживала меня в школе во время приставаний Альберта и Отто. Она казалась мне самой красивой девочкой на свете. Каждый раз, когда я видел ее в школьных коридорах, мне хотелось подойти и заговорить с ней, но смелости мне явно не хватало. Мое сердце билось как у нашего пса Феликса, когда я пытался собраться с духом и подойти к ней. Самая старая черепаха на свете быстрее бы решилась на этот шаг, чем я. Прошло уже три года, а я все еще не мог произнести ни слова.

Мой одноклассник Алекс заметил мою мучительную привязанность и не упускал случая поддразнить меня. Его шутки были безобидными, но каждый раз они подстегивали меня к

тому, чтобы наконец решиться. И вот я обдумал, если перед летними каникулами я предложу ей встречаться, все свободные летние дни мы будем проводить вместе. Какой же шикарный план я придумал! В голове у меня крутились светлые кадры нашего с Магдаленой фильма о любви.

Попросив своего одноклассника Алекса позвать Магдалену, я остался ждать ее позади школы. Руки и ступни потели, и чем дольше я ее ждал, тем больше нервничал. Время тянулось бесконечно, и с каждым мгновением мой страх рос, но вместе с ним росло и нетерпение. Я представил, как скажу ей о своих чувствах, как она улыбнется и согласится.

— Привет, Кенджи! Ты меня искал? — услышал я самый желанный для меня голос на свете. Не сразу заметил, что Магдалена уже стояла передо мной. Я посмотрел на ее голубые глаза и подумал, что мир, покрытый этим голубым небом, далек от меня. А ее золотые волосы сияли как лучи солнца для меня. И я был ослеплен ее красотой. (Хоть и звучит нелепо, особенно учитывая наш тот возраст, но в то время я чувствовал все именно так.)

— Кенджи? Ты меня слышишь? — Магдалена наклонилась ближе, выведя меня из оцепенения.

— Д-да, — еле выговорил я. Харри начал хихикать.

— Что ты хотел сказать мне? Алекс сказал, ты мне хотел сказать что-то важное.

— Алекс? А-а-а... — пробормотал я, чувствуя, как слова застревают в горле.

— Давай, смелее! — прошептал Харри, подначивая меня.

— Ну, п-п-п-пойдем погуляем, — выговорил я, чувствуя, как пот струится по моему лбу.

— Нет, мне нужно домой. А куда ты хотел пойти?

— На Рыночную площадь погулять или в парк, — сказал я, пытаюсь вытереть ладонью пот со лба.

— На Рыночную площадь? Зачем?

— Ну, погулять... ты мне нравишься, — наконец, выдохнул я, чувствуя, как огромный груз сваливается с моих плеч. Какой же я смелый!

— Кенджи! У меня уже есть парень. И он старше нас на два года. Так что я не могу! Пока! — ответила Магдалена, оставляя меня стоять посреди школьного двора с разбитым сердцем.

— Ух-х, какие нынче дети страстные пошли! — проговорил Харри, выпучив глаза, и рассмеялся. — Не грусти, папа же говорил тебе, что даже Конфуцию не всегда везло.

Я стоял и смотрел на землю. Грудь разрывалась изнутри. Мне всегда казалось, что человек только один раз в жизни влюбляется. И вот я влюбился в тринадцать и думал, это конец моей счастливой жизни. Эта первая любовь оказалась разрушающей. Харри продолжал хохотать, и как же он меня тогда раздражал! Я медленно брел домой и никого не слышал, и ничего не видел перед собой, а лишь свой путь домой в одиночестве. Когда пришел домой, захотел выпить все запасы пива отца.

— Что ты делаешь, Кенджи? — услышал я голос Харри после третьей банки пива, и меня это вывело из себя.

— Не твое дело, — сказал я. Боль в груди постепенно утихала, но злость захлестывала меня. — Знаешь, Харри, я думал, что мы с тобой напишем много разных книг, а я стану знаменитым писателем, самым популярным... а теперь думаю, зачем мне все это? Без моей любимой... Я готов отказаться от всего ради нее... Что ты смеешься?

— О боже! Вот это страсти для тринадцатилетних детишек! Ты еще юн и ничего не понимаешь. Если бы ты был взрослым, тебе бы тоже смешно было. Когда повзрослеешь, поймешь.

— Я понимаю, что люблю ее. Понял?

— Твои чувства искренни, но ты такой маленький и забавный. — Харри сделал смешную гримасу и снова заржал как конь.

— Оставь меня в покое, Харри! Хотя бы сегодня! И так из-за тебя я не могу откровенно говорить ни с кем!

— Это почему? Мы же это обсуждали с тобой. Говори со всеми как хочешь, я ведь все равно все о тебе знаю. И перестань пить пиво отца. Вечером тебя ждет расплата за это.

— Отвали! — крикнул я.

Харри ушел, а я продолжил пить. Помню, как Юки помогала мне дойти до кровати. Похоже, она также пришла рано из школы. Тем вечером я разозлил отца. Он, как обычно, пришел домой с мыслью выпить пивка и расслабиться. Меня пытались разбудить, но я все никак не мог прийти в себя. На следующее утро меня ждала суровая расправа. С тех пор я стал замкнутым и ничего не писал для сборников или журналов.

Помирившись с Харри, я писал рассказы только для Джуна, то есть ради Джуна. Он слушал их внимательно, и в этих историях понемногу раскрывался: радовался, удивлялся, испытывал чувства, прежде скрытые от меня.

Глава 5. Молодость

Я всегда фанател от фильмов в жанре «боевые искусства». В основном мне нравились старые ленты, которые отец любил смотреть по вечерам. Мы с Джунм усаживались рядом с ним и завороченно смотрели за боями наших кумиров. Я обожал Брюса Ли и Жан Клода Ван Дамма, и в игре «Мортал Комбат» неизменно выбирал Лю Кэнга или Джонни Кейджа. Наверное, меня поймут только фанаты «Мортал Комбат». Вдохновленный их мастерством, я часто дрался понарошку с Харри, придумывая свои собственные удары и приемы. От моих телодвижений Джун всегда весело хлопал и смеялся от души. Думаю, если кто-нибудь посторонний наблюдал бы за мной в такое время, то посчитал бы меня сумасшедшим. Хотя можно было бы ответить, что я тренирую бой с тенью.

Однажды отец подарил мне книгу Миямото Мусаси «Книга пяти колец» — о величайшем воине Японии. Хотя я толком ее не понял, ведь мне было всего четырнадцать или пятнадцать. Отец сказал: «Читай эту книгу каждые два-три года, и ты всегда будешь находить в ней что-то новое». Стратегии, изложенные в ней, казались мне непостижимыми, как и сама книга в целом. В то время я понял, что основной смысл книги в том, что главное — это состояние духа воина, а не оружие или приемы. Постоянные тренировки также играют ключевую роль. С тех пор я регулярно перечитываю эту книгу, открывая для себя все новые смыслы. Но тогда меня особенно поразило выражение «бунбу ичи», что означает «перо и меч в гармонии». Эта фраза меня так вдохновила, что внутри меня что-то дрогнуло и вызвало мурашки по коже.

Помимо этого я любил читать рыцарские романы. Они дополнили мои романтические представления о рыцарстве, где истинный воин должен не только владеть мечом (или другим оружием), но и уметь писать красивые стихи и письма. Даже сам великий Брюс Ли, который, казалось, непрерывно тренировался, находил время для написания стихов и заметок о жизни. Это гармоничное сочетание физической силы и духовной глубины всегда вдохновляло меня, побуждая стремиться к такому же балансу в своей жизни.

Благодаря всему этому я перестал думать о боли в груди, оставленной безответной любовью школьных красавиц. Вместо глупых подростковых раздумий я часто делал разные упражнения, отжимания, качал пресс. Иногда я просил Харри присоединиться к моим тренировкам, и он, конечно, соглашался, весело подшучивая надо мной. В ютубе нашел несколько полезных видеороликов с упражнениями для разминки, которые вскоре стали неотъемлемой частью моего распорядка дня. Мечтая стать не только писателем, но и мастером боевых искусств, я представлял себя современным рыцарем или самураем. Эти подростковые фантазии формировали мой смысл жизни в тот момент. Бунбу-ичи, перо и меч в гармонии.

Со временем мое тело начало меняться. Мышцы стали четко прорисовываться, и я с гордостью смотрел на свое отражение в зеркале. Так я стал обладателем спортивного телосложения. Я начал любить свое тело. Но даже с моим новым телосложением Джун казался мне более мощным. Он от природы всегда был крупнее меня. Я чувствовал в нем бычью силу, которой он никогда не пользовался, лишь когда я просил его побороться со мной во время тренировок. С детства мы всегда весело боролись друг с другом. Это закаляло наши тела. Я был уверен, что Джуну также полезно было немного потренироваться.

Несмотря на шрамы, Джун все еще любил собак, любил животных в общем. Наша собака Феликс словно сняла с него все оковы страха, которые могли появиться после травм. Феликс стал настоящим членом нашей семьи, умным и преданным другом, требующим внимания от всех, особенно от мамы и меня. Как же Феликс любил Джуна! Он словно чувствовал особую связь с ним, всегда стараясь быть рядом, помогая ему и охраняя его покой. Джун, в свою очередь, проникся к Феликсу такой же глубокой привязанностью.

Феликс часто спал рядом с нами, словно был нашим хранителем, создавая чувство безопасности и уюта в доме. Без него мы уже не представляли свою семью, свой дом. Удивительно, какой у Феликса взгляд проникновенный, словно видит нас насквозь, понимая все наши мысли и чувства.

Однако периоды линьки Феликса вызывали у меня смешанные чувства. Приходилось два раза в день вычесывать линяющего Феликса со щеткой и рукавицей для собирания шерсти. В эти моменты я учился проявлять заботу и любовь, даже когда это требовало усилий и спокойствия.

Каждую субботу и воскресенье наша четверка, я, Джун, Андреас и Томас, отправлялись на исследование мира вокруг. Я сравнивал нас с мушкетерами и Д'Артаньяном. Мы любили ходить в зоопарк. Наблюдая за его обитателями, мы ощущали связь с первозданной красотой, впитывая атмосферу дикой природы. Также мы любили прогуливаться по старинным улочкам города. Мы знали каждый закоулок, каждый переулок, словно обладали тайным знанием скрытых символов города. Прогуливаясь по этим местам, мы представляли себе, как здесь жили люди сотни лет назад. Круглая башня Нюрнбергского Кайзербурга манила нас своей древней мощью. Мы забирались на ее вершину, откуда открывался вид на весь город. Стоя там, на высоте, мы чувствовали себя хозяевами мира, готовыми к любым вызовам и приключениям.

Когда дело касалось кинотеатра, Томас словно одержимый без устали звал нас туда. Андреас, в свою очередь, жил футболом. Каждое сражение на маленьком футбольном поле было для него чем-то особенным, и мы вместе с ним разделяли эту страсть. Но когда наступал вечер и усталость начинала брать свое, наши приключения не заканчивались. Мы переносили их в виртуальные миры компьютерных игр, собравшись у кого-нибудь из нас дома.

Когда мы собирались на очередную прогулку, Андреас иногда приводил с собой свою девушку. Я и Томас завидовали его легкости общения с девушками. В его присутствии девушки улыбались и смеялись. Казалось, для него знакомства были простой игрой, в то время как для нас, всего лишь пятнадцатилетних парней, это было недоступным искусством. Бывало, подруга Андреаса приводила своих подруг, но мы с Томасом так и не смогли стать разговорчивее с девушками. Более того, при знакомстве с ними мои ладони, как всегда, покрывались влагой, отчего я не находил себе места. А их взгляд при прикосновении с моей ладонью сменялся с дружественного на отвращение. Андреас и Томас уже привыкли к моим нервным рукам и постоянно в шутку смеялись над этим, например, чтобы я перестал сам себя удовлетворять. Мне не нравились эти шутки, но все же я за компанию улыбался вместе с ними, чтобы скрыть свою досаду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.